

ЕКАТЕРИНА ЧУДИНОВА

Раскрыть
заговор
или потерять
все

ПИСЬМО
ДАЛАЙ-
ЛАМЫ

Детектив в лабиринтах истории

Екатерина Чудинова
Письмо Далай-ламы

«Азбука»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Чудинова Е.

Письмо Далай-ламы / Е. Чудинова — «Азбука»,
2026 — (Детектив в лабиринтах истории)

ISBN 978-5-389-33211-9

«Письмо Далай-ламы» – захватывающий исторический детектив о приключениях молодого жандарма Матвея Карелина, о геополитических интригах начала XX века и, конечно же, о жертвенной, всепрощающей любви. 1907 год. Карелин приезжает в Кяхту, чтобы на границе с Китаем встретить экипаж международного ралли «Пекин – Париж» во главе с князем Борезе. Однако на складе с бензином, предназначенным для гонщиков, случается пожар. Кто-то явно пытается помешать продвижению лидирующего автомобиля, и Карелин берется за расследование. Когда Аглая, племянница генерал-губернатора, узнает о проблемах экипажа Борезе, то со свойственной ей самоотверженностью и любознательностью бросается на помощь, не ведая, что сама попадает в беду. Тем временем Кяхта разрывается от загадочных происшествий, и Карелин понимает, что за беспорядками в городе стоят не местные контрабандисты, а куда более серьезные силы. И у него остается всего несколько дней, чтобы раскрыть заговор, спасти Аглаю и уехать живым из города.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

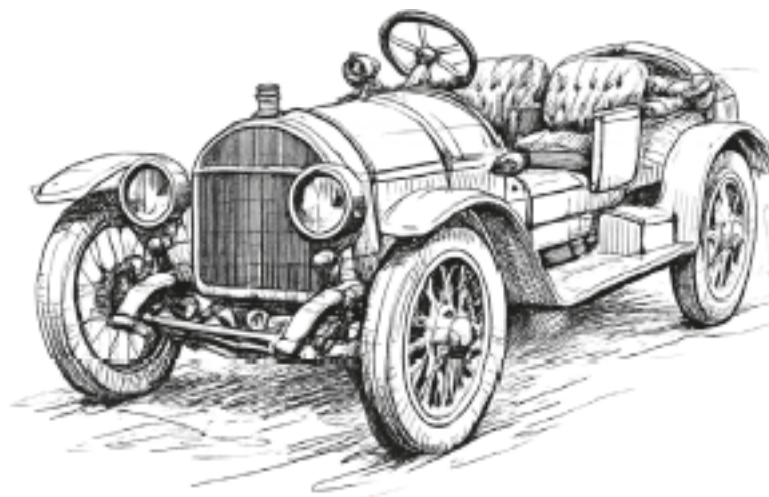
ISBN 978-5-389-33211-9

© Чудинова Е., 2026

© Азбука, 2026

Содержание

Пролог	7
Глава 1	13
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Екатерина Чудинова

Письмо Далай-ламы

© Чудинова Е., 2026

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Пролог

Огни Маймачена заливали светом широкую деревянную сцену – место, где вскоре должна была разыгаться трагедия. Десятки фонарей, подвешенных во дворе уличного театра, дрожали в вечернем воздухе, и в их мерцающем свете даже лица зрителей казались разукрашенными актерскими масками. Маймачен – а точнее, Маймачен Цэжяту, или Китайская Кяхта, – слобода вольная и открытая. Но стоит лишь сойти с ее торговых улиц, как будто проваливаешься в потемки чужой души. Уже не одно столетие здесь меряются силами русские купцы и китайские шанжэни. Он весь как этот двор: пестрый балаган, где купцы кружатся меж башен чайных цыбиков¹, словно марионетки в шелках. Лоскуты тканей сверкают в тусклом свете фонарей, похожих на клетки с экзотическими птицами. У прилавков стоят худые, согбенные фигуры, льнущие к своим товарам, как демоны из древних китайских сказаний. Здесь человек кажется гротескным ожившим памятником самому себе, а товар – атрибутом пестрого спектакля. Спектакль же идет повсюду: у прилавка, в трактирах, а этим вечером и на сцене.

Китайские актеры в ярких шелковых одеждах давали оперу. Зрители, собравшиеся вокруг, шептались, перешучивались, над двором стоял оживленный гул русской, монгольской и китайской речи. И только двое не обращали внимания на происходящее.

Первый был бурят – невысокий, но крепкий мужчина с непроницаемым, словно высеченным из камня лицом. Внешне спокойный, он привычно подмечал больше, чем следовало. Второй – русский, в простой одежде – длинном балахоне и юфтевых ботинках, его фигура была едва различима в полумраке.

– Караван отправляется утром, в девять. Будьте готовы. Если не успеете, следующий только через неделю, – тихо сказал русский, склоняясь к своему спутнику.

Бурят кивнул ровно в тот момент, когда раздался звук гонга, призывающий зрителей занять свои места. И словно по команде, вышли акробаты – гибкие, как кошки, они взмывали в воздух, закручиваясь в невероятных позах. Их шелковые костюмы переливались всеми цветами радуги, а движения были точны, как механизм дорогих швейцарских часов. Пока публика, затаив дыхание, следила за тем, как артисты бросают вызов законам тяготения, по рядам пошел, держа в руках деревянную шкатулку с изображением драконов, завернутый в традиционное длинное темное одеяние китаец. Он подходил к каждому, кланяясь и напоминая о важности поддержки артистов, чтобы те могли продолжить свою работу.

Зрители – кто охотно, а кто с опаской – доставали монеты и аккуратно клали их в шкатулку. Время от времени кто-то вкладывал бумажную банкноту, и тогда китаец, не меняя выражения лица, склонял голову в знак благодарности, будто это был ритуал, не менее важный, чем сам спектакль. Он подошел к торговцу; тот молча бросил в шкатулку пару монет, не отрывая взгляда от сцены.

– Сепасибо, капитан, – сказал китаец и обратился к буряту: – Сыталасту, пелеятеле! Иса-далеке пэлеехалэ?

Бурят молча посмотрел на него, не выражая ни интереса, ни раздражения. За него ответил торговец:

– Издалека-издалека приехал. Что спрашиваешь? – поморщился он и повернулся к буряту. – Вы по-кахтински как, понимаете?

Бурят нахмурился. А китаец продолжил:

– Твоя походи-походи долага. Курема грязенека, сапоги хорошанеки. Долага-долага походи твоя сапоги.

Торговец придвинулся к уху бурята и, взяв его за локоть, шепнул:

¹ Цыбик – короб, обшитый кожей, для перевозки чая, кошенили и других товаров, боящихся сырости (*устар.*).

– Вишь, сапоги хвалит. Дайте ему монету, чтобы отстал. Есть у вас? А то я кину? Караван не из дешевых удовольствие, понимаю.

Бурят сунул руку в карман, достал пару серебряных монет и бросил китайцу.

– Сепасибо за монеза, капитан, шипики-хорошанеки монеза. Посемотери сыпетакеля, шипики карасиво поигрб, перамшо солово.

– Останьтесь посмотреть спектакль, – перевел русский, – он очень красивый, и вам обязательно понравится.

Он по-дружески похлопал бурята по плечу и огляделся по сторонам: не привлекли ли они чуть больше внимания, чем это было нужно для дела. Бурят не ответил. Он хотел попрощаться с торговцем и уйти, но тут раздался громкий бой барабанов, напоминающий отдаленные раскаты грома. На сцене из полумрака медленно появилась фигура – высокий воин в накидке, усыянной символами дордже. В руках он держал длинное копьё, которое блестело в свете фонарей. Его глаза были полны решимости, а осанка выдавала гордость и силу. Это был Гесар Линг, легендарный воин, пришедший, чтобы защитить земли Тибета от зла. Бурят замер и сел на место. Русский довольно улыбнулся: мол, я же говорил, что понравится.

За Гесаром последовали воины в доспехах, украшенных сплетенными шерстяными нитями и бронзовыми бляхами. Их лица были покрыты яркими красками, и каждый двигался с отточенной грацией: все их шаги и жесты были заранее продуманы и имели свое особое значение. Они приблизились к краю сцены, высоко подняв головы, и произнесли молитву, обращенную к духам гор и рек, прося их о защите и силе.

После появился шаман с бубном. Он взмахнул рукой, разгоняя невидимый туман, и запел глубоким дрожащим голосом. Гесар сделал шаг вперед, вскинул копьё к небу и громко произнес клятву победить зло и защитить свой народ.

Овше Мирзунов, так звали бурята, тоже встал. Он мысленно повторил клятву за Гесаром и хотел попрощаться с торговцем, но того уже не было на месте. Увлечшись легендой о стране, которая стала ему домом и судьбой, Овше не заметил его исчезновения. Не увидел он и как тот перебросился парой слов с китайцем, собиравшим деньги, и сунул ему в руку еще пару-тройку монет. Будь на сцене любой другой спектакль, Овше бы не задумываясь ушел еще до начала. Но с Тибетом была связана вся его жизнь.

Все началось еще в детстве. Однажды ранним утром мать позвала его с собой. В кругу своих предков она заколола овцу, кровь которой стекала по земле. Овше с замиранием сердца наблюдал, как мать шептала заклинания, обращаясь к духам. В этот момент ему показалось, что мир вокруг затих, и лишь ветер, играя с травами, приносил звуки давних песен. *«Я видела тебя у подножия великих гор, рядом с человеком в желтых одеждах. Он станет твоим наставником, и ты должен будешь служить ему без сомнений»*, – произнесла она, и ее глаза были полны любви и печали.

Овше вздохнул, вспоминая беспечные детские годы, и пошел со двора. Актеры уже начали готовиться к следующей театральной миниатюре. Часть зрителей разбрелась: кто завернул в трактир, кто пошел прогуляться вдоль торговых лавок. Овше отправился искать караван-сарай, где он мог бы скоротать остаток ночи. Для этого нужно было свернуть с главной улицы в Китайский ряд.

Здесь жители сохранили свои обычаи и вкусы. Наружные стены домов были голыми, серыми, будто обожженными временем, но лавки украшали деревянные резные панели с изображениями драконов, фениксов и других мифических существ или шелковые ткани с вышитыми облаками и волнами. Что удивительно: все содержалось в большой чистоте и порядке, хотя в Маймачене совершенно не было женщин. Это был исключительно мужской торговый мир. И все же Овше показалось, что между рядов промелькнул силуэт женщины в длинном платье и шляпке. Он присмотрелся. И правда: среди гуляющих шла девушка. Совсем юная барышня. Жар, исходящий от десятков фонарей, заставил ее расстегнуть длинный шерстя-

ной плащ. Из-под аккуратно надетой шляпки выбилось несколько темных прядей. В ладонях барышня сжимала перчатки и изредка поправляла юбку, цеплявшуюся за камни мостовой, а ее черные кожаные ботинки были почти серыми от дорожной пыли. Фонари освещали ее лицо со строгими и тонкими чертами, в которых угадывалось упрямство. Она с интересом оглядывала лавки и людей, но глаза ее опасливо блуждали в поисках пары надежных синих мундиров.

Девушка на минуту остановилась перед трактиром, откуда доносились крики и музыка. За столом сидели четверо рабочих со складов, с виду русских. Над их кружками парили плотные облака от дешевого байцзю². Их глаза, мутные и жадные, заметили ее сразу. Один, очевидно старший среди них, прищелкнул пальцами. Его взгляд скользнул по ее телу и задержался на груди дольше, чем следовало. Он встал, и компаньоны потянулись за ним, не говоря ни слова, лишь обменявшись красноречивыми взглядами. Рабочие поспешили за девушкой. Главарь задержался. Он подозвал маленького парнишку, вертевшегося возле трактира в надежде заполучить монету-другую. Тот взял пару медяков и побежал вперед. Девушка, не подозревая, что оказалась в центре внимания, посмотрела на уличных танцоров, но затем, словно почувствовав на себе чужие взгляды, неторопливо двинулась дальше. Она не заметила, что за ней идут четверо мужчин и один незримый защитник, решивший остаться рядом до конца.

Овше знал и такие взгляды, и чем они заканчиваются. Он последовал за рабочими, держась на расстоянии. Увидел, что девушка беспечно сворачивает в узкий переулок, следуя за маленьким китайчонком, который исчез за поворотом, слившись с темнотой.

Еще мгновение – и вместо мальчишки перед ней встали два рослых мужлана. Барышня замерла, оглядываясь по сторонам, но бежать было некуда. Путь назад перекрыли еще двое. Главарь не спеша приблизился к девушке, осклабился, одарив ее ароматом китайских настоек, и рывком сорвал медальон с ее груди.

– Экая роскошь, – усмехнулся, подбрасывая украшение в воздухе. – Гляди-ка, ребята, не иначе как фамильная. Интересно, а сама-то ты такая же драгоценная?

Остальные противно загоготали, переглядываясь, как стервятники перед дележом добычи.

Овше остановился в тени, сжимая кулаки. Его дыхание стало частым и резким. Он видел, как мерзавцы двинулись на девушку. Подался вперед. Ступал тихо, но быстро. И вырос перед главарем ровно в ту секунду, когда тот хотел лишить наряд девушки модной отделки.

– Оставьте ее, – бросил он, глядя главарю прямо в глаза.

Тот среагировал мгновенно: ухватил Овше за грудки и рванул к себе. Остальные окружили их кольцом, как волки, готовые к броску. Девушка, воспользовавшись моментом, резко шагнула назад, а затем побежала прочь, ее шаги эхом отдавались в переулке. Она пронзительно закричала, и ее голос разорвал ночную тишину.

На ее крик поспешили китайцы с соседней улицы. Рабочие переглянулись – они явно не хотели лишнего шума и внимания. Главарь оттолкнул Овше и, оценив потенциал приближающейся толпы, махнул своим людям. Они, не говоря ни слова, скрылись в темноте, затерявшись среди торговых складов и амбаров.

Овше, не задерживаясь, тоже свернул в соседний переулок. Тишина и полумрак поглотили его мгновенно. Резкий контраст с шумом и светом главных улиц поражал: тут царили бедность и запустение, мрак был темнее, а грязь гуще. Овше подумал о том, что, возможно, зря вмешался. Главарь, пусть и ушел, явно не был доволен, а у Овше имелись дела поважнее, чем уличные стычки.

Он привычным жестом коснулся своей сумки – и замер. Холодный пот проступил на его лбу. Не может быть! Сумка была пуста. Ни письма, ни револьвера. Как он так сглупил! Но

² Байцзю – традиционный китайский алкогольный напиток, наиболее близкий к водке.

кто? Рабочий? Торговец, с которым он обменялся парой слов на спектакле? Лишь двое были достаточно близко, чтобы незаметно обворовать его.

Овше вспомнил слова старого ламы, который предупреждал, что за ним пойдет охота. Горько усмехнулся: как можно было быть таким беспечным?

– Нечего рассуждать. Надо найти вора, – пробормотал он себе под нос.

Овше выскочил обратно на оживленную улицу. Спектакль только что закончился, и люди спешили по домам в Маймачен или Кяхту. Он бежал мимо трактира к театру и уже на подходе к палаткам артистов на другой стороне улицы увидел четыре знакомые фигуры – рабочих. Овше заметил, как рядом с ними остановился торговец, тот самый, с которым он встречался. Случайность? Или они действовали вместе? И девушка... Могла ли она быть связана с ними?

Овше рванул вперед, стараясь не потерять их из виду. Торговец двигался быстро, не один – рядом с ним шли еще несколько человек. Рабочие же завернули к постоялому двору. Что делать? За кем идти? За торговцем, решил Овше и поспешил по дороге прямо. Внезапно из-за угла на него вылетела лошадь. Он отпрыгнул, чтобы увернуться от повозки, которая чуть не сбила его с ног. Но когда снова огляделся, торговец исчез.

Овше всмотрелся в соседние переулки, пытаясь понять, куда мог свернуть преследуемый, но улицы закручивались, как лабиринт. Он прошел мимо рядов, надеясь заметить хоть какой-то след. Но люди покидали Маймачен: вереница повозок тянулась в Кяхту, еще больше людей шли пешком. Овше двинулся за ними. Русские не станут жить в Маймачене. Всего десяток верст пустой земли – и будет Кяхта. Российская империя, где должна была закончиться его миссия. Закончится ли? Старый лама надеялся на него.

Овше брел по темным улочкам Кяхты, взгляд его блуждал от тени к тени, выискивая знакомые силуэты. Вор где-то здесь, он это чувствовал. Пройдя несколько переулков, бурят остановился. Вдали послышался скрип телеги, и он затаил дыхание. В телеге сидели те же рабочие, которых он упустил из виду, решив следовать за торговцем. Колеса загрохотали по булыжникам, и телега пронеслась мимо, но ее пассажиры ехали молча.

Телега остановилась у небольшого склада. Овше узнал голоса. Они. Он прокрался ближе и притаился за ящиками у стены, чтобы услышать их разговор.

– Поторапливайся, Шаркун, – донесся до него хриплый голос. – У нас времени в обрез, а то охрана заявится. Пора заканчивать прежде, чем они нас найдут.

– Не спеши, Скрипка, – лениво отозвался тот. – Все делаем, как надо. Кто паникует – тот трухляк³, а мы хорошие ребята⁴. Приказ был – доставить в целости. Ты же знаешь, заказчику не понравится, если хоть что-то пойдет не так.

Этот голос Овше узнал: главарь. Шаркун. Овше пригнулся ниже, краем глаза наблюдая, как рабочие выкатывают из склада большую бочку. Он уловил запах – спирт или водка. Один из них наклонился к бочке и проверил пробку.

– Лишь бы по дороге не лопнула, – буркнул Шаркун, хлопая бочку по боку. – Все должно быть четко, иначе с этим типом на границе не выйдет ничего хорошего.

– А что, и он приедет сам? – спросил второй, пересчитывая бочки в телеге.

– Хрен его знает, – отозвался Шаркун, оглядываясь вокруг. – Но сказали, что он все сам примет. Место – граница. Может, кого и пошлет.

– А что с этим делать? – спросил Скрипач, вынимая из-за пазухи смятый конверт. – Грек все запомнил, лучше сжечь.

– Тебе что, совести не хватает, щенок? – ответил Шаркун, выхватывая конверт. – Это нам пригодится. Подпись видишь? Косарь ее подделает, и больше денег срубим. Никто не заметит, все выиграют. А больше всего – я.

³ Трухляк – ненадежный человек.

⁴ Хорошие ребята – компания отчаянных грабителей и разбойников.

Овше прижался к стене, его сердце гулко стучало. Они! Вот только это, видно, совсем не рабочие. Четверка, судя по всему, занимается контрабандой. Китайцы дорого платят за водку. Возможно, тогда девушка ни при чем. А вот торговец? Мог ли он быть заказчиком? И что же делать? Их четверо. Он один. Старый лама просил его поторопиться, успеть до начала июля. Овше посмотрел на небо. Скоро полнолуние.

В полнолуние мать усаживала его у костра, завораживая рассказами о духах предков, о том, как они оберегают их народ. «Мой мальчик, ты не просто сын кочевника. Твоя душа рождена для великого пути. Духи показывают мне дорогу, которая лежит за пределами этих степей. Ты станешь связующим звеном между мирами, и твоя судьба – служить чему-то большему, чем ты сам», – говорила она.

Решено. Овше подкрался к грабителям, держась в тени и двигаясь бесшумно, как барс на горных склонах. Его дыхание было ровным, а взгляд – острым и сосредоточенным. Он дождался, пока один из воров отделился от остальных, и именно тогда нанес первый удар.

Резким движением в технике хайдонг Овше ударил ребром ладони в шею, точно по уязвимой точке – туда, где тело забывает о силе и разум уступает инстинкту. Враг рухнул, не успев понять, что случилось. Его товарищ бросился к Овше с поднятыми кулаками, но напрасно: грубая ярость не работала против многолетней дисциплины. Овше помнил наставления учителя в монастыре Сера-Чей: «Сила теряет смысл, когда движения ее суетливы. Будь рекой: плавной и текучей, но прячущей камни среди волн». Скользнув в сторону с грацией облака, он избежал удара, а затем последовали быстрый захват, бросок и бесшумное падение противника на землю.

Один за другим грабители теряли равновесие, не только физическое, но и внутреннее. Их хаотичные удары напоминали волны, разбивающиеся о камни – бесполезно и обреченно.

Атаки Овше были не просто физической техникой, но философией: «Каждый удар – решение, каждый шаг – движение к истине».

Воры, осознав, что их враг не так прост, столпились вокруг него. Овше поднял палку, лежавшую рядом, и сделал выпад, мгновенно став ведущим в этом танце. Он использовал палку, как тибетский монах посох, с легкостью отбивая удары и нанося ответные. Овше чувствовал движение тел противников, прочитывал их намерения до того, как те их воплощали, – это были внутренняя гармония и сосредоточенность, рожденные долгими медитативными практиками.

Скрипач попытался обхватить его со спины, но Овше, быстро повернувшись, освободился из захвата, применяя силу противника против него самого. Он опрокинул нападавшего на землю и холодно, бесстрастно наблюдал, как его отчаяние превращается в страх. Овше схватил одного из нападавших, прижал его палкой к стене.

– Конверт!

– Чего? Ты, узкоглазый, совсем спятил? Это тебе не кирпичи⁵ возить – руки убрал и не лезь! Катафалк завтра на нашей стороне будет, вы их уже хорошенько потрясли. Хватит с вас! – Он дернулся вперед и занес руку, метя Овше в лицо.

Раздался выстрел, и Овше пошатнулся, чувствуя, как холод пронзает его бок. Со склада вышел главарь. Он наблюдал за схваткой с самого начала и, конечно, узнал защитника девицы в рюшах. Воры переглянулись, вытирая с лиц пот. Шаркун, бросив короткий взгляд на Овше, махнул остальным:

– Вот же черт, не получилось на тихую. Забросим его на склад, – буркнул он. – У нас времени мало. Отливаем бензин и поджигаем к черту все это дело.

– А не проще ли в реку его? – прохрипел Косарь, озираясь. – Меньше шума будет.

Шаркун раздраженно махнул рукой:

⁵ Кирпич – форма прессовки чая для удобства транспортировки и потребления.

– Нет. Склад – самое то. Водку жалко. Зато никаких следов. Удачно подвернулся, а? Даже искать его снова не пришлось.

Овше, с трудом оставаясь в сознании, слышал их разговор сквозь туман боли. Он почувствовал, как его потащили и бросили на холодный пол. Ноздри зашипало от резкого запаха. Воры возились с бочкой, торопливо выливали часть ее содержимого на пол, не замечая, что он еще жив.

– Готово! Поджигай! – крикнул тот, которого Шаркун назвал Греком.

– Стой. – К Овше снова подошел Шаркун. – Обыщите его, лишним не будет.

Один из них нащупал на шее Овше тесьму, наполовину скрытую под рубашкой. Он потянул за цепочку и вытянул небольшой медальон, покрытый какими-то рисунками.

– Это еще что? – озадаченно спросил он у остальных, вертя украшение в руках.

Шаркун нахмурился, рассматривая выгравированные символы: крест и трехглазый ворон.

– Может, что шаманское, – пробормотал Косарь, поджимая губы.

– Ох, не к добру, – заскулил Скрипач, крестясь. – Мне про шаманов сказывали, наведут порчу. Наедет катафалк на нас, вот увидите.

– Дурак ты, Скрипка. За него нам сыпанут знатно! Кончайте тут. На, Косарь, конверт прибери до Верхнеудинска. Там пригодится.

Словно колющие иглы, вонзались их слова в сознание Овше. Проиграл. Он почувствовал, как одежда пропитывается вонючей жидкостью. Скрипач чиркнул спичкой. Пламя заплясало у входа, дым стал невыносимым. Рубаха и штаны Овше загорелись. Корчась от боли, он поднатужился и стал кататься по земляному полу склада, но огонь уже перебрался на тюки с пшеницей. Собрав все силы, Овше встал на ноги и бросился к выходу. К пылающему складу уже бежал мужик с ведрами в руках – он заметил дым. Овше вывалился ему навстречу, и мужик от страха выплеснул воду из ведер прямо на него. Овше попытался подняться, его голос прерывался:

– Ук... рали... – пробормотал он, силясь выговорить. – Найти... Да... ма. В-в-верх.

Мужик только замотал головой, не понимая, что он хочет сказать, и потащил Овше на дорогу.

Последним, что тот увидел, было огромное горящее лицо матери:

«Ты – мост между мирами, мой сын, и лишь через служение ты сможешь обрести покой. Путь твой нелегкий. Твоя воля – это тень воли духов. Но будь осторожен: великое может погубить тебя».

Глава 1

Старший унтер-офицер Матвей Сергеевич Карелин и ротмистр Александр Александрович Сенеко въехали в город ранним утром. Кяхта с ее каменными зданиями и мощеными улицами встретила их тишиной и холодным воздухом. До самого горизонта тянулись выветренные, лысые холмы, серые от ветра и времени. Вдоль улиц расположились лавки и склады, украшенные русскими и китайскими вывесками, напоминающими о давней торговле чаем и шелком. И над всеми строениями витал неуловимый дух приграничного хаоса, где все всегда напоминало о скрытом соперничестве культур.

Карелин теребил край темно-синего кителя, но скоро пальцы замерзли, и он спрятал руки в карманы. Июнь, а тепла как не бывало. Он угрюмо оглядел старые дома: не любил маленькие порубежные города, всегда слишком беспокойные, ведь перейти границу легко во всех смыслах.

– Не злись, Матвей, – бросил Сенеко, поправляя аккуратную, почти новую шинель с золотистыми пуговицами, сверкавшими при каждом его движении. Он взглянул на Карелина с долей иронии, зная, что тот предпочел бы быть где угодно, только не здесь. – *Dum spiro, spero*. Раз уж губернатор поручил нам доставить охранные грамоты, значит, дело государственной важности. Едет итальянский князь, сам понимаешь. Хотя не удивлюсь, если Иван Петрович в очередной раз что-то перепутал.

Александр Александрович устроился поудобнее, насколько это возможно было в служебной бричке. Он утомился в дороге и покряхтывал, с надеждой взглядывая на Карелина. В Иркутском юнкерском училище мальчишка показал себя с лучшей стороны. Прошел полугодовые курсы жандармов. Не без пробелов в делопроизводстве, конечно (и сам Сенеко не любил эту бумажную волокиту), но упорства ему не занимать. Выпустился он в первой категории, молодец – офицер уже через три года службы. Мог бы и дальше пойти по военной линии, да вернулся. Иркутск, как ни крути, дом родной. Да и мать ждала его. Сенеко давно ее знал. Отец Матвея был его лучшим другом. Сгинул в Персии то ли в девяносто четвертом, то ли в девяносто пятом году. Так и числится без вести пропавшим. Вот Александр Александрович, помня об отце, и взял паренька к себе, в Главное жандармское управление. Толковых людей всегда не хватает, к тому же хотелось задуматься о пенсии. Взрастить себе замену. Карелин – непростой, упрямый, но правильный. Малость до бильярда охоч, да шары не карты, требуют от человека сосредоточенности, равномерного напряжения – и телесного, и нравственного.

Бричка остановилась. Ее высокие деревянные колеса заскрипели, возница что-то лениво прокричал им. Карелин и Сенеко едва успели выйти, как к ним подскочил совсем юный парнишка в форме. Он был бледен, взгляд нервно перебегал с одного прибывшего на другого. Юноша вытер лоб платком и, понизив голос, заговорил:

– Господа, вы как нельзя вовремя. Беда у нас тут... – Он судорожно вздохнул. – Приехали вы из самого Иркутска, а мы тут не углядели за складом. Бензин-то для князя Борезе вчера привезли. Думали – ну кому он тут нужен? Охрану как раз собирались приставить, и вот – пожар. Огонь вспыхнул ночью, да так, что и спасти-то ничего не успели.

Матвей, осматривая этого нескладного юнца в кителе, застегнутом наспех – пуговицы и петли шли вкось, как в спешке или по рассеянности, – даже как-то просветлел, и уголки губ дрогнули в подобии улыбки. Пустячное «грамотное» дело принимало интересный оборот, и Карелин молча слушал, пока юноша докладывал:

– А итальянцы-то, господа, сами знаете, гонщики... Сегодня будут здесь. А бензина теперь нет. Все сгорело, ничего не осталось. – Он сжал губы, бросив виноватый взгляд на Сенеко. – Вы уж простите, но без вашей помощи головы не сносить. Эти гонщики... Они ж

с самого Китая до Парижа едут! Сами понимаете, что будет, если они приедут, а тут пусто, ничего не готово. Ну кто ж знал...

Сенеко усмехнулся, но взгляд его выдал понимание серьезности положения. Он повернулся к Карелину и положил руку ему на плечо.

– Ну что ж, – сказал Сенеко, бросив оценивающий взгляд на напарника, – надо помочь. Не то и нам достанется от Ивана Петровича. Мы посмотрим, что можно сделать, только, может, вы представитесь нам? – обратился он к жандарму.

Тот чуть не схватился за сердце, а нащупав неправильно застегнутые пуговицы, и вовсе потерял дар речи.

– Ну же, Бог не выдаст, свинья не съест, – подбодрил его Александр Александрович.

– Ефрейтор Фирсанов, Аркадий Фантинович. Я провожу вас. Замешаны иностранные граждане, и дело уже передали Кириллу Семеновичу в жандармерию, а он и так вас ожидает. У нас тут, видите ли, нехватка людей. Граница – крутимся как можем, а все одно что ни день, то снуют шельмы, даже казачьи разъезды уже к ловле контрабандистов подключились.

Фирсанов, нервно поглядывая на Карелина и Сенеко, повел их к местному управлению. Это было небольшое здание с фасадом из потемневшего от времени дерева, напоминавшее больше дом деревенского старосты, чем серьезное учреждение. Внутри царила полутьма; на стенах висели пожелтевшие от времени афиши и объявления, в коридоре стояли тяжелые деревянные шкафы, полные бумаг и отчетов. Пахло пылью, пролитыми чернилами и табаком.

Жандармское управление в Кяхте, как и в других пограничных городах, было не полностью укомплектовано и держалось на нескольких дежурных, обеспечивающих порядок в городе. Оказавшись в кабинете, Карелин и Сенеко встретились с начальством в лице исправника Кирилла Семеновича Зорева – мужчины среднего возраста, в засаленном мундире и с обветренным лицом, на котором морщинами отпечатались годы службы в этих местах. Он выглядел встревоженным, но, увидев жандармов, ошутимо приободрился.

– Добро пожаловать в Кяхту, господа, – сказал он, поклонившись. – Мы тут, в самом деле, как манны небесной вашей помощи ждем. У нас, сами видите, сотрудников мало, да и такой беды мы не ожидали. Теперь без вашего вмешательства точно не обойтись.

Александр Александрович довольно кивнул. Кирилл Семенович, не дав ему ответить, быстро сориентировался и повернулся к своему секретарю:

– Немедленно отправь телеграмму в Иркутск, в главное жандармское. Проси, чтобы поручили нашим гостям расследование этого пожара. Вы же как раз приехали по делу итальянцев, так пусть и на пожарное разбирательство приказ дадут. Бензин их сторел. И Мухина, Сергея Львовича, пара бочек. – Голос исправника звучал твердо, но во взгляде была надежда, что такой решительный шаг укрепит его собственные позиции.

Карелин, услышав про телеграмму, украдкой посмотрел на Сенеко. Они приехали сюда с миссией вручить охранные грамоты итальянским гонщикам, участвующим в ралли «Пекин – Париж», и Матвей всю дорогу мрачно молчал. И вот столь незначительное задание могло обернуться длительным расследованием.

– Мы, конечно, поможем, – отозвался Сенеко, – тем более что это и в наших интересах. Звучит так, будто эти дела и правда связаны. – Он подмигнул Матвею, мол, видишь, говорил тебе, найдется работенка и поинтересней. – Матвей Сергеевич займется. Отправьте с ним кого-нибудь показать материалы и место происшествия.

– А вот Аркадий Фантинович его и проводит. Аркаша, везите к складу Мухина. Да его самого пригласите.

Сенеко остался в кабинете заместителя начальника управления, чтобы уладить формальности, касающиеся передачи дела жандармам в главное управление. Им предстояло дожидаться срочной телеграммы с одобрением, чтобы официально приступить к расследованию.

Карелин же последовал за Фирсановым, тем самым юношей, который встретил их. В конце коридора, в углу, скрытом от посетителей шкапами, стоял его стол. На нем – с десятков пирамид из разных бумаг. Молодой человек виновато улыбнулся и протянул пару листов.

– Вот, Матвей Сергеевич, все, что собрали. Протоколы, опись сгоревшего имущества, паспорта на оборудование. Присаживайтесь, изучайте. Я пока за Сергеем Львовичем пошлю. На складе с ним и встретимся.

Матвей открыл папку и погрузился в чтение. Произошедшее, как первый удар по пирамиде в бильярде, требовало подготовки. Игра началась.

– У Сергея Львовича свой заводец винокуренный. Но вы не подумайте, все официально. Склад был застрахован. В поджоге он не заинтересован, от этой ситуации ему больше убытка, чем прибыли. Ждет, понимаете, пока мы закроем дело, чтобы выплату получить и восстанавливать помещение. А выплата не покроет расходов, Сергей Львович уже подсчитал, – пояснил Фирсанов.

– Понимаю. Только быстро вряд ли получится, из-за одного кикса⁶ партию проиграть не хотелось бы. Но мы постараемся. – Матвей несколько раз ободряюще щелкнул пальцами. – Кто погиб? У вас здесь имя не указано.

– Бродяга какой-то. Личность не установлена. По виду то ли китаец, то ли монгол. Возможно, он и поджег. Установлено только, что похожего на него человека замечали около города несколько свидетелей. Нашел его дворник Семен, который пожар-то и обнаружил.

– Что же привело несчастного бродягу туда?

– Вероятно, склад хотел ограбить. Он, может, и не один был. Видите ли, дело такое. От контрабандистов покоя тут нет, мы же на границе. Таможня не справляется. Казахи разъезды по вечерам патрулируют, да народу мало и не шибко рвения у них. Их даже пару раз из револьверов обстреляли. Вот и повадились то китайцы, то наши водку таскать. Ладно бы честь по чести покупали, а то, видите ли, совсем совесть потеряли – теперь и склады грабят. Может, что не поделили. Вот и сожгли, как говорится, и концы в воду. Больно он обгоревший, от ожогов и скончался.

– Интересно мне вот еще что: Семен показал, что погибший все пытался сказать ему что-то...

– Этого не знаю, Семен так и не разобрал толком. Тот еще все по рукам себе хлопал, мешал от огня оттащить.

– А по рукам зачем?

– Кто его разберет? Может, раскаивался, что грабеж и поджог устроил, – пожал плечами Фирсанов. – Вы спросите Семена, он недалеко от склада работает. Поедмте, сами все и посмотрите. Все на месте: и следы, и тело. Людей мало, не успеваем-с.

На складе воняло гарью и бензином. Карелин медленно обходил территорию, внимательно рассматривая каждую деталь. Стены были в копоти, пол покрыт слоем обугленной древесины, но Матвея насторожило количество следов от сгоревших бочек. Слишком мало. Судя по записям, на складе числилось несколько десятков единиц такой тары. Даже если при пожаре они сгорели почти полностью, металлические обручи остались, и по ним можно было определить места, где стояли бочки. Он прошелся вдоль помещения, оглядывая каждый угол. Вокруг валялось лишь несколько погнутых железяк и обгоревших досок.

Матвей задумался. Расследование всегда напоминало ему бильярдную партию – хитроумную, требующую выдержки и расчета. После обыкновенной разбивки все выглядело просто: линии на столе, движение, цель. Он машинально провел рукой по коротенькой бородачке, снова отмечая для себя, как неравномерно она растет: здесь густо, там пусто. «Ну что ж, точно как

⁶ Кикс – бильярдный термин, обозначающий неудачный удар кием по битку (шару), при котором наклейка кия скользит мимо желаемой точки удара.

наш расклад с пожаром», – подумал он. Следующим этапом партии был анализ положения. В данном случае еще предстояли осмотр тела и опрос свидетелей.

Труп представлял собой малоприятную картину. Погибший покрылся пеплом и пылью от пожара. Когда Матвей приподнял обгоревший рукав, заметил, что ткань украшена еле заметными узорами. Витиеватые узлы, плотно сплетенные и напоминающие сложные петли, тянулись вдоль манжеты. Он всмотрелся в необычный узор и перерисовал его в блокнот.

– Что при нем нашли? – спросил у Фирсанова, пытаясь найти хоть какую-то зацепку.

– Ничего. Гол как сокол, – ответил помощник, равнодушно пожав плечами.

Матвей попытался узнать у него про узоры, но юноша только долго и усиленно морщил лоб. Он вообще не проявлял рвения к осмотру склада. Почесывал за ухом и пару раз заикнулся о том, что его дело было сообщить и привезти господ из Иркутска на место пожара, а дальше уже работа для опытных сыскарей.

Что ж, делать нечего. Остаются свидетели. Матвей побрел за Фирсановым к бричке. Глядя под ноги, он заметил в пыли что-то блестящее. Аккуратно вынул платок и не спеша поднял что-то вроде медальона.

На первый взгляд это было простое украшение, но внимание Матвея привлекли вырезанные линии и углубления. Он заметил, что поверхность была местами потемневшей, а сам металл оказался удивительно тяжелым, вещь эта внушала уважение одним лишь своим весом. Карелин растерянно уставился на свою находку. Желтоватый металл, матовый блеск и легкие следы окисления... Судя по всему, латунь.

Карманный платок ловко обернулся вокруг находки, скрывая ее от посторонних глаз. Соперник по партии, возможно случайно, а может и умышленно, разбил пирамиду, рассыпав в беспорядке шары по столу, так что от Карелина теперь зависело, сможет ли он разыграть их правильно.

Старик-дворник Семен сидел на бревне у стены, по-хозяйски шурясь на гостей из-под ладони, как будто они пришли не расспрашивать, а мешать ему работать. Рядом валялись пустые ведра и смотанные тряпки, а сам он выглядел так, будто был тут с самого рассвета. Выцветшая рубашка, грязная жилетка, сапоги грубой выделки... Пальцы неторопливо поигрывали маленьким ножиком, которым он что-то строгал, коротая время.

– Семен, это вы? – позвал Матвей, останавливаясь перед ним.

– Ага, я. А вы кто такие будете? – буркнул дворник, не поднимая глаз.

– Не морочь голову, Семен, – пробурчал Фирсанов, досадливо смахивая пылинку с рукава. – Говори все, как мне утром рассказывал, и мы уйдем.

Семен тяжело вздохнул, провел рукой по щетинистому подбородку:

– Ох, и страшный же он был. Как черт из огня выскочил. Я воду в него и плеснул с перепугу.

– Говорят, вы первый на месте были.

Старик медленно поднял голову и недовольно сощурился:

– Ну а то кто ж, барин? Я, значит, пришел тушить, думал – пожар, да. Вижу: дымок-то идет. А тут из дверей... – Семен картинно замолчал и вытаращил глаза, как на икону. – ...Черт! Самый настоящий, барин! Вываливается, спотыкается, прямо на меня смотрит! А я, значит, был с полными ведрами, вот и окатил его всего. От души облил, чтоб не мучился.

– Черт, говоришь? – переспросил Матвей, приподняв бровь.

– Да кто ж еще! Черней ночи, дымом весь пропахший, глаза – огоньки. А потом... – Семен понизил голос и склонился ближе, как будто делился страшной тайной. – Заговорил он! Да не по-человечьи, а бурчал чего-то. Я чуть ведро не выронил.

– И что дальше? – терпеливо спросил Матвей, подавляя желание закатить глаза.

– А дальше очухался я. Смотрю – не черт вовсе, а человек! Только в таком виде, что и врагу не пожелаешь. Я его, значит, подхватил под мышки да к дороге потащил. Думаю, пусть там кто-то разбирается, а то еще сгинет у меня на глазах.

Старик умолк, откинувшись на бревно с видом человека, который только что совершил подвиг, достойный былинного героя. Фирсанов затоптался на месте, кряхтя и бросая взгляды на часы – ему явно не терпелось поскорее закончить разговор и уйти.

– Что он говорил, когда вы его нашли? – спросил Карелин, вглядываясь в лицо старика.

Семен вытер лицо рукавом и нерешительно ответил:

– Вот тут ерунда какая-то, барин. Он что-то бормотал о какой-то крале. Еще сказал найти даму и все повторял: вверх, вверх. Вздор всякий, ничего я не понял, о чем он толковал, – пробормотал он, опустив взгляд.

Матвей коротко кивнул старику на прощание, будто отметил его последние слова как нечто важное, и неспешно зашагал дальше. Фирсанов уже начинал переминыться с ноги на ногу, бросая на Карелина недовольные взгляды. Но Матвей словно не замечал этого. Он бродил по округе, то останавливался у лавок и домов, беседуя с хозяйками, то окликал ребятшек, что скакали по мостовой. Местные отвечали неохотно, косились с подозрением, но из этих отрывочных разговоров Карелин все же сумел вытянуть главное: неподалеку действовала шайка ссыльных, промышлявших чем попало у самой границы. Не исключено, что именно они имели отношение к поджогу.

Фирсанов нервничал все больше.

– Матвей Сергеевич, да мы уже, кажется, все узнали! – то и дело бурчал он. – Давайте уж... вернемся.

И когда даже самые терпеливые собеседники начали пожимать плечами, они вернулись к складу. Фирсанов тяжело выдохнул, явно радуясь, что это хождение по мукам наконец завершилось, но у брички их ждал Сергей Львович Мухин, заместитель представителя Русско-Китайского банка. Именно банк занимался снабжением итальянского экипажа на пути через Российскую империю, а бочки с бензином привезли на склад Мухина.

Сергей Львович был человеком средних лет, лицо его выглядело утомленным, но глаза сверкали живо, с хитринкой. Во всем его облике чувствовалось не то равнодушие, не то нарочитое презрение к внешней опрятности, как будто заботы и дела значили для него куда больше, чем безупречный вид.

– Сергей Львович, что же, у вас на складе и охраны не было? – заметил Карелин.

– Привезли бочки и бензин только вчера вечером, – начал Мухин, поправляя воротник. – Время было, знаете, позднее, не думали, что что-то случится. Охрану не успели поставить. Понадеялись на разъезды, они каждый вечер улицы патрулируют.

Карелин внимательно изучал его. Костюм представителя банка, хоть и поношенный, был добротным и даже элегантным: коричневая суконная куртка с застёжками на пуговицах из темного металла, брюки, сшитые на заказ. Туфли потертые, но в хорошей форме. Однако взгляд его часто убегал, как будто уважаемый представитель банка сам не был уверен в том, что говорил. Впрочем, Карелин знал, что представители банка могут быть такими. Это не просто личная привычка – скорее, профессиональный рефлекс. Постоянная необходимость скрывать важные данные от посторонних, избегать прямых разговоров и манипулировать фактами, не оставляя следов, – обязательная составляющая их работы и становится частью натуры. В таких условиях искренность и открытость могут означать уязвимость, а потому служащие часто вырабатывают привычку к молчаливой настороженности и скрытности.

– Здесь, в городе, еще есть автомобили? – продолжил Матвей.

Мухин покачал головой, нервно сглотнув:

– Не могу сказать. Я отвечаю только за сопровождение князя Борезе. Больше ни за кого. А в Кяхте, да и в Троицкосавске, автомобилей нет. Как-то купцы привезли один, но мы ни разу не видели его на ходу.

– А про контрабандистов, что же, не слыхали вы или не опасаетесь?

– Да они здесь частые гости. У них ведь свои предприятия, Матвей Сергеевич, да и обороты их куда солиднее моих. Мне о таких масштабах только мечтать остается. Семен вполне справлялся с охраной моего мелкого склада, – усмехнулся Мухин. – Вы лучше у Кирилла Семеновича спросите, он больше меня знает об этом деле.

Вот и замкнулся круг. Матвей искал глазами Фирсанова: тот стоял у брички и меланхолично кивал в ответ какому-то запыхавшемуся мальчику. Матвей направился к ним. У него оставалось два вопроса, которые не давали ему покоя: кто был этот человек, погибший в огне, и какую крало-даму требовал искать? «Как будто специально поставили в невыгодную позицию», – мелькнула мысль. Но вместо раздражения он ощутил азарт.

Фирсанов скучно окликнул его: пора было ехать к границе с Маймаченом. Итальянский экипаж отметился там и приближался к Кяхте.

Глава 2

«Итала» князя Борезе выехала из ворот Маймачена, словно оживший гигант из сказки. Ее массивный корпус отбрасывал густую тень на пыльную дорогу, а высокие, открытые колеса, казалось, могли перемолоть любое препятствие. Обшитая прочными металлическими пластинами, машина выглядела неуязвимой. Слышался шум двигателя – глухое, грозное рычание, которое усиливалось и перекачивалось по улицам, заставляя прохожих оглядываться. «Итала» не просто ехала, она заявляла о готовности покорить любые дороги, которые осмелятся встать у нее на пути.

Фирсанов до этого момента никогда не видел автомобиля, и массивный механизм с высокими колесами и открытым корпусом его ошеломил. Но ему приходилось держать себя в руках – и перед Карелиным, и особенно перед иностранцами. Все-таки представитель власти. Он выпрямился, стараясь сохранить спокойствие, и сделал шаг вперед, хотя сердце его отчаянно колотилось. Матвей, заметив состояние полицейского, едва сдержал улыбку и первым пошел навстречу итальянцам, чтобы приободрить коллегу.

– Старший унтер-офицер Карелин из Иркутского жандармского управления. Приветствую вас в Кяхте, господа.

Князь Сципионе Борезе – статный и уверенный в себе, с легкой улыбкой и взглядом, полным решимости, – ответил дружелюбным кивком. Его усы и борода остались безупречными даже после нескольких часов тряски по пыльной дороге. На нем был автомобильный костюм – светло-зеленый, сшитый на заказ из плотной ткани, которая защищала от дорожной пыли и ветра. Широкие брюки, заправленные в высокие кожаные сапоги, казались идеально выглаженными, а из-под ворота куртки элегантно выглядывал легкий платок, завязанный небрежным, но изысканным узлом. Борезе легким движением руки снял очки и протер их платком. Его темные глаза блеснули, и он оглядел окрестности с тем спокойствием, которое свойственно человеку, привыкшему управлять не только автомобилем, но и обстоятельствами.

– Борезе, – представился князь на русском и почти без акцента. – А это Этторе Гиларди, мой механик, и Луиджи Бартини, журналист и хроникер нашего путешествия.

Матвей кивнул, коротко взглянув на Бартини, который изучающе оглядывал городок и явно уже представлял, как описать увиденное для своих читателей. Гонщики выглядели несколько уставшими: лица в пыли, глаза полузакрыты, то ли в попытке защитить их, то ли от долгого недосыпа. Гиларди осторожно снял кожаные перчатки, но его пальцы с трудом разжались – видно было, что они затекли от долгого напряжения за рулем. Князь сделал пару шагов, наклоняя голову в сторону, чтобы размять шею. Матвей смотрел на них и думал, как сообщить, что, возможно, они не смогут продолжить поездку. Борезе махнул рукой в сторону авто:

– Прошу, синьор офицер, присоединяйтесь. Думаю, вам будет интересно взглянуть на этот механизм поближе. – Его голос звучал с вызовом, словно он приглашал в мир, куда мало кто допущен в принципе, а в этой глуши тем более.

Матвей, не колеблясь, шагнул вперед и сел в машину рядом с князем. Фирсанов проводил его удивленным взглядом. Беднягу до сих пор немного потряхивало от впечатлений, и он вздохнул с облегчением, когда «Итала» наконец исчезла за поворотом.

В управлении их встретил Зорев, от растерянности которого не осталось и следа.

– Ваши документы в порядке, конечно, – начал он, держа бумаги перед собой, – но вот печать поставить я пока не могу. Обстоятельства подозрительные: пожар на складе прямо перед вашим приездом. Почему бы это так сложилось?

Карелин удивился этой перемене в исправнике и напомнил:

– С этим делом теперь разбираемся мы с ротмистром Сенеко. Бензин сгорел, но это еще не повод задерживать господина Борезе и его экипаж. Они пострадавшие, а не подозреваемые, ведь их не было в городе во время пожара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.